

ИЗ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ПАТЕРИКА

- О черноризце Арефе:
как украденное у него имение вменилось ему
в милостыню и как он чрез то получил спасение..... 2**
- О двух враждовавших между собою братьях:
Тите, священнике, и Евагрии диаконе 3**
- О святом и блаженном Агапите, безмездном враче 4**
- О черноризце Прохоре, который молитвою из травы,
называемой лебеда, делал хлебы, а из пеплу — соль..... 7**
- О преподобном Спиридоне просфорнике и
об Алипии иконописце 11**

**О черноризце Арефе:
как украденное у него имение вменилось ему
в милостыню и как он чрез то получил спасение**

В том же Печерском монастыре был черноризец именем Арефа, родом полочанин. Много богатства имел он в келии своей, и никогда ни одной цаты, ни даже хлеба не подал убогому, и так был скуп и немилосерд, что и самого себя голодом морил. И вот в одну ночь пришли воры и покрали все имение его. Арефа же тот от великой скорби о своем золоте хотел сам себя погубить, тяготу великую возложил на невинных и многих мучил без правды. Мы все молили его прекратить взыскание, но он и слушать не хотел. И блаженные те старцы утешали его, говоря: «Брат! возложи на Господа печаль свою и Он пропитает тебя» (Пс. 54, 23). Он же досаждал всех жестокими словами. Через несколько дней впал он в лютый недуг и уже при конце был, но и тут не унялся от роптания и хулы. Но Господь, Который всех хочет спасти, показал ему пришествие ангелов и полки бесов, и он начал взывать: «Господи, помилуй! Господи, согрешил я! Все то Твое, и я не жалуясь». Освободившись же от болезни, он рассказал нам, что было ему такое явление: «Пришли, — говорил он, — ангелы, пришли также и бесы. И начали они состязаться о украденном золоте, и сказали бесы: «Он не похвалил, а похулил, и теперь наш и нам предан». Ангелы же говорили мне: «О окаянный человек! если бы ты благодарил за это Бога, то вменилось бы тебе, как Иову. Великое дело пред Богом, когда кто творит милостыню; но тот отдает по своей воле. Если же кто за взятое насилием благодарить Бога — это более милостыни. Дьявол, делая это, хочет довести до хулы человека, а он все с благодарением предает Господу, — так это более милостыни». И вот, когда ангелы сказали мне это, я стал кричать: «Господи, прости! Господи, согрешил я! Господи, то все Твое, и я не жалуясь». И тотчас бесы исчезли, ангелы же стали радоваться и вписали в милостыню пропавшее серебро. Слыша это, мы прославили Бога, давшего нам знать о сем; блаженные же те старцы, рассудивши об этом, сказали: «Воистину достойно и праведно при всяком случае благодарить Бога». И видели мы, что выздоровевший Арефа всегда славил и хвалил Бога, и удивлялись изменению его ума и нрава. Тот, которого прежде никто не мог отвратить от хулы, теперь постоянно взывает с Иовом: «Господь дал, Господь и взял. Как Господу угодно, так и было. Буди благословенно имя Господне во веки!» (Иов. 1, 21). Если бы не видел он явления ангелов и не слышал их речей, никак не перестал бы он

роптать. И мы веровали, что истинно было так. И в самом деле, если бы не было это великое дело, то старец, о котором пишется в Патерике, не стал бы молиться Богу, чтобы пришли на него разбойники и взяли все его имущество. Когда же услышал его Бог, и пришли на него разбойники, он предал в их руки все, что у него было.

О двух враждовавших между собою братиях: Тите, священнике, и Евагрии диаконе

Были два брата по духу — диакон Евагрий и священник Тит. И имели они друг к другу любовь великую и нелицемерную, так что все дивились единодушию их и безмерной любви. Ненавидящий же добра диавол, который всегда ходит, «как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 Пет. 5, 8), возбудил вражду между ними. И такую ненависть вложил он в них, что они уклонялись друг от друга, не хотел один другого в лицо видеть. Много раз братия молили их примириться между собой, но они и слышать не хотели. Когда Тит шел с кадиллом, Евагрий отбегал от фимиама; когда же Евагрий не бежал, Тит проходил мимо его, не покадив. И так пробыли они многое время в мраке греховном; приступали к Святым Тайнам, — Тит, не прося прощения, а Евагрий, гневаясь. До того вооружил их враг.

Однажды сильно разболелся этот Тит и, будучи уже при смерти, стал горевать о своем прегрешении и послал к диакону с мольбой: «Прости меня, ради Бога, брат мой, что я напрасно гневался на тебя». Евагрий же отвечал жестокими словами и проклятиями. Старцы те, видя, что Тит умирает, насильно влекли Евагрия, чтобы помирить его с братом. Увидавши его, больной приподнялся немного, пал ниц к ногам его и говорил: «прости и благослови меня, отец мой!». Он же, немилостивый и лютый, отказался перед всеми нами, говоря: «Никогда не хочу примириться с ним, ни в этом веке, ни в будущем». Тогда Евагрий вырвался из рук старцев и вдруг упал. Мы хотели поднять его, но увидели, что он уже мертв. И не могли мы ему ни рук протянуть, ни рта закрыть, как у давно умершего. Больной же тотчас встал, как бы никогда и болен не был. И ужаснулись мы внезапной смерти одного и скорому исцелению другого. Со многим плачем погребли мы Евагрия. Рот и глаза у него так и остались открыты, а руки растянуты.

Тогда спросили мы Тита: что все это значить? И он так стал говорить нам: «Видал я ангелов, отступивших от меня и плачущих о душе моей, и бесов, радующихся моему гневу. И тогда начал я молить брата, чтобы он простил меня. Когда же вы привели его ко мне, я

увидел ангела немилостивого, держащего пламенное копье, и, когда Евагрий не простил меня, он ударил его, и тот пал мертвый. Мне же ангел подал руку и поднял меня». Услышавши это, убоялись мы Бога, сказавшего: «прощайте и прощены будете» (Мф. 5, 22). Господь сказал: «всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду». Преподобный же Ефрем говорит: «если кому случится умереть во вражде, тот подвергнется неумолимому суду».

И если этот Евагрий не получит отрады, ради святых Антония и Феодосия, — горе лютое ему, побежденному такую страстию! Берегись от нея и ты, брат мой, и не дай места бесу гнева: кто раз послушается его, тот и поработится ему; но скорее поди и поклонись враждующему с тобой, чтобы не быть преданным ангелу немилостивому. Да сохранит тебя Господь от всякого гнева! Он (апостол Его) сказал: «солнце да не зайдет во гнев вашем» (Еф. 4, 26). Слава Ему с Отцем и Святым Духом, ныне и присно и во веки!

О святом и блаженном Агапите, безмездном враче

Некто из Киева, именем Агапит, постригся при святом отце нашем Антонии и, будучи самовидцем его подвигов, последовал его ангельскому житию.

Тот, великий, покрывая свою святость, исцелял больных зельем от пищи своей. Они думали, что получают от него лечебное зелье, и выздоравливали его молитвою. Также и этот блаженный Агапит, ревнуя святому тому старцу, помогал больным. И когда кто-нибудь из братии делался болен, он оставлял свою келию (в ней не было ничего, что можно было бы украсть), приходил к болящему брату и служил ему: подымал и укладывал его, выносил на своих руках, давал ему в пищу зелье, которое варил для себя, и тот выздоравливал молитвою его. Если же Бог по изволению Своему продолжал недуг болящего, чтобы умножить веру и молитву раба Своего, блаженный Агапит оставался неотступно при больном, постоянно моля за него Бога, пока Господь подавал ему здоровье ради молитвы блаженного. И прозван он был врачом, потому что Господь дал ему дар исцеления. И услышали о нем в городе, что в монастыре есть некто врач, и многие больные приходили к нему и выздоравливали.

Был же, во время этого блаженного, некоторый человек, армянин родом и верою, так искусный во врачевании, как еще никто не бывал прежде него: только увидит он больного, узнает и объявит ему смерть, назначив день и час, и такого уже не станет лечить. И никогда не изменялось слово его. Один из таких больных, первый у князя

Всеволода, принесен был в монастырь Печерский. Армянин привел его в отчаяние, предсказав чрез восемь дней смерть. Блаженный же Агапит дал ему зелья, которым сам питался, и тот стал здоров. И промчалась о нем слава по всей земле той. Армянин же уязвился стрелою зависти и стал укорять блаженного. И велел он дать смертного зелья одному осужденному на казнь и послал его в монастырь, чтобы ему, принявши смертного зелья, упасть мертвым перед иноками. Блаженный же, видя умирающего, дал ему монастырской пищи, и он стал здоров молитвою его. И так блаженный врач избавил от смерти осужденного на смерть. С этого времени вооружается на него иноверный тот армянин. Он напустил на святого Агапита единоверцев своих, чтобы они дали ему смертного зелья, думая уморить его тем. Блаженный же испил без вреда и никакого зла не пострадал: ведает Господь, как избавлять благочестивых от смерти. «Если что смертное выпьют они, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк. 16, 18).

В те дни разболелся Владимир Всеволодович Мономах. Усердно лечил его армянин, но безуспешно, и только сильнее делался недуг. Будучи уже при конце жизни, посылает князь, молит игумена Печерского Иоанна, чтобы он понудил Агапита придти к нему. Он был в это время в Чернигове. Игумен призывает Агапита и велит ему идти в Чернигов. И отвечает блаженный: «Если мне к князю идти, то и ко всем идти. Спаси меня, Господи, ради славы человеческой выйти за монастырские ворота. Не сделаюсь я отступником от обета, который дал перед Богом, чтобы быть мне в монастыре до последнего издыхания. Если же ты изгонишь меня, я пойду в другое место, пока минет эта беда». Никогда еще блаженный не выходил из монастыря. Посланный же князя, видя, что не хочет идти инок, стал молить его, чтобы он хотя зелья дал, и тот, будучи принужден игуменом, дал ему для больного зелья от своего кушанья. И только что князь принял это зелье, как тотчас выздоровел. После этого, будучи в Киеве, Владимир пошел в Печерский монастырь, желая почтить инок, и увидел того, кто, с помощью Божией, давши зелья, возвратил ему здоровье (он никогда не видел Агапита), и думал богато одарить его. Но тот, не желая, чтобы славили его, скрылся, и принесенное для него золото князь отдал игумену. Потом послал Владимир к блаженному одного из бояр своих со многими дарами. Посланный боярин нашел его в келье и положил перед ним принесенные дары. И сказал ему инок: «Сын мой! Никогда ничего не брал я у кого бы то ни было. Стану ли теперь терять мзду свою из-за золота. Мне его ни от кого не нужно».

И отвечал боярин: «Отец мой знает, пославши меня, что не нужно тебе этого, но, для меня, утешь сына своего, которому ты даровал, о Боге, здоровье, возьми и раздай нищим». И сказал в ответ ему блаженный: «Для тебя с радостью приму, как будто бы мне и нужно было. Пославшему же тебя скажи: все, что ты имел, было чужое, и, отходя из этого мира, ты ничего не можешь взять с собой. Раздай же теперь нуждающимся все, что имеешь. Для этого избавил тебя Бог от смерти, а я ничего бы не смог сделать. И не думай послушаться меня, чтобы не пострадать, как прежде». И взял Агапит принесенное золото, вынес вон из келии и бросил, а сам скрылся. Боярин, вышедши, увидел брошенное за ворота принесенное им золото и дары, взял и отдал все игумену Иоанну, и рассказал князю о старце. И поняли все, что то истинный раб Божий. Князь же, не смея послушаться блаженного, все имение свое роздал по слову его нищим.

После этого разболелся Агапит и пришел посетить его армянин, о котором мы говорили прежде. И начал он состязаться с иноком, о врачебном искусстве спрашивая: каким зельем какой недуг лечится. И отвечал блаженный: «Каким Господь подаст здоровье». Армянин понял, что он нисколько не сведущ в этом и сказал своим: «Ничего он не знает». Потом взял его руку и сказал, что чрез три дня он умрет. «И это истинно, — прибавил врач, — и не изменится слово мое. Если будет не так, я сам монахом сделаюсь». Блаженный же с негодованием сказал ему: «Так вот как ты врачуешь: смерть мне предсказываешь, а помочь не можешь! Если ты искусен, то дай мне жизнь, а если этим не владеешь, что же укоряешь меня? Мало этого, ты осуждаешь меня на смерть через три дня, а Господь известил меня, что я умру через три месяца». И сказал ему армянин: «Ты вот уже сам понял, что умрешь, и никак не переживешь третьего дня». А блаженный изболел уже весь, так что сам и двинуться не мог.

В это время принесли из Киева одного больного. Агапит встал, как бы вовсе и болен не был, взял зелье, которое сам ел, и показал лекарю, говоря: «Вот зелье, смотри и разумей». Лекарь посмотрел и сказал инок: «Это не из наших зелий. Думаю, что его из Александрии приносят». Посмеялся блаженный невежеству его, дал зелье больному, и тот стал здоров. Потом Агапит сказал лекарю: «Сын мой! Не погневайся: убоги мы, и нечем нам напитать тебя». Армянин же сказал: «Теперь три дня этого месяца мы постимся, батюшка». Блаженный же спросил: «Кто же ты и какой веры?». Врач отвечал: «Разве ты не слыхал, что я армянин». И сказал ему блаженный: «Как же смел ты войти и осквернить мою келию и держать мою грешную руку! Иди прочь от меня, иноверный и нечестивый!». Армянин, быв

посрамлен, ушел. Блаженный же Агапит прожил три месяца и потом, немного поболевши, отошел к Господу.

После смерти его армянин пришел в монастырь и сказал игумену: «С этих пор я буду черноризцем. Я оставляю армянскую веру и истинно верую в Господа Иисуса Христа. Являлся мне блаженный Агапит и сказал: «Ты обещался принять иноческий образ. Если солжешь, то с жизнью и душу погубишь». И так я уверовал. Блаженный же этот, если бы захотел долгое время жить здесь, Бог не преставил бы его от этого света. И, принявши его, Господь даровал ему жизнь вечную. И думаю я, что отошел он по своей воле, а мог и еще жить с нами. Так как я узнал, что ему дольше трех дней прожить нельзя, он приложил себе три месяца, а если бы я сказал — три месяца, он три года бы прожил. Да если он и умер, то вселился в обители жизни вечной и там жив». И постригся этот армянин в Печерском монастыре и тут кончил жизнь свою в добром исповедании.

О черноризце Прохоре, который молитвою из травы, называемой лебеда, делал хлебы, а из пеплу — соль

Такова воля Человеколюбца Бога о Своей твари. Во все времена и лета промышляет Он о роде человеческом и подает ему полезное, ожидая нашего покаяния. Наводит он на нас иногда голод, иногда рати за неустроенье властелина, но этим Владыка наш приводит только наше нерадение на добродетель, на памятование дел неподобных: делающие злыя, неподобные дела бывают преданы за грехи свои злым и немилостивым властелинам. Но эти последние не избегнут суда: суд без милости не сотворившим милости.

Во дни княжения Святополка в Киеве много насилия делал людям этот князь, без вины искоренил до основания дома сильных, у многих имение отнял. И за то попустил Господь, чтобы неверные имели силу над ним, и многие войны были от половцев. К этому же были в те времена усобицы и голод сильный, и во всем была скудость в Русской земле. В те дни пришел некто из Смоленска к игумену Иоанну, желая быть иноком. Игумен постриг его и назвал Прохором. Этот черноризец Прохор предал себя на послушание и такое безмерное воздержание, что хлеба себя лишал. Он собирал лебеду, растирал ее своими руками и делал из нее хлеб; им и питался. И этого приготавливал он себе на год, а на следующее лето собирал новую

лебеду. И так всю жизнь свою довольствовался он лебедой вместо хлеба.

Видя же Бог терпение его и великое воздержание, превратил ему горечь ту в сладость, и была ему радость после печали, по сказанному: «Вечером приходит плач, а на утро торжество» (Пс. 29, 6). И прозвали его Лебедником, потому что, как сказано выше, он питался одной лебедой, не употребляя ни хлеба, кроме просфоры, ни овоща никакого, ни питья. И никогда не поскорбел он, но всегда с радостью работал Господу. И ни разу не испугался он рати, потому что жил, как птица: не приобретал ни сел, ни житниц, где собрать добро свое, не говорил, как богатый: «Душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись» (Лк. 12, 19). Не имел он ничего, кроме лебеды, да и той приготавливал только до следующего лета, говоря себе: «Прохор! в эту ночь ангелы возьмут от тебя душу твою. Кому же останется приготовленная тобой лебеда?». Он на деле исполнил слово Господа, Который сказал: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их» (Мф. 6, 26). Подобно птицам легко проходил он путь до того места, где росла лебеда, и оттуда на своих плечах, как на крыльях, приносил ее в монастырь и приготавливал в пищу. На непаханной земле несеянный хлеб был ему.

Настал великий голод, и смерть налегла на всех людей. Блаженный же продолжал дело свое, собирал лебеду. Увидел это один человек и сам стал собирать эту траву для себя и для домашних своих, чтобы пропитаться ею в голодное время (но не удобно было вкушать ее ради горечи). Между тем стала лебеда еще больше умножаться на пищу этому блаженному (Прохору). В те дни принял он на себя еще больший труд: собирал это зелье и, растирая, как я говорил, в своих руках, делал из него хлебы, которые раздавал неимущим, изнемогавшим от голода. Многие в это голодное время приходили к нему, и он всех оделял. И сладко, как с медом, было для всех то, что он давал. Никому так пшеничного хлеба не хотелось, как этой пищи, приготовленной руками блаженного из дикого зелья. И если он сам давал с благословением, то светел и чист, и сладок бывал его хлеб; если же кто брал тайком, то был он горек без меры, как полынь. Некто из братии потихоньку украл хлеб и не мог его есть: горек, как полынь, был он в руках его. И так повторялось несколько раз. Но стыдился брат, от срама не мог открыть блаженному своего согрешения. Однако, будучи голоден, не стерпевши естественной нужды и видя смерть пред глазами, он пришел к игумену Иоанну и, прося прощения в своем грехе, исповедал ему случившееся с ним.

Игумен не поверил тому, что он говорил, и чтобы узнать, подлинно ли это так, велел другому брату сделать то же, взять хлеб тайно. Принесли хлеб и оказалось то же, что говорил укравший брат: никто не мог есть его от горечи. Держа этот хлеб в руках, игумен послал попросить хлеб у блаженного. «Один хлеб, — говорил он, — возьмите из рук его, а другой, уходя, тайно возьмите». Когда принесли игумену хлебы, украденный изменился пред его глазами: сделался на вид как земля, и горек, как и прежние, а взятый из рук блаженного был светел и сладок, как мед. После такого чуда повсюду прошла слава об этом муже. И многих голодных прокормил он и многим был полезен.

Тогда Святополк (Изяславич) с Владимиром и с Васильком пошел ратью на Давида Игоревича за Василька, которого ослепил Святополк, послушав Давида Игоревича. И не стали пускать купцов из Галича и людей из Перемышля, и не было соли во всей Русской земле. К этому присоединились и грабежи незаконные, как сказал пророк: «Съедающие народ мой, как едят хлеб, непризывающие Господа» (Пс. 13, 4). И были все в великой печали, изнемогли от голода и войны, не имели ни пищи, ни даже соли, чем бы прикрыть скудость свою. Блаженный Прохор имел уже тогда свою келью. И собрал он к себе изо всех келий множество пепла, но так, что никто этого не знал. И раздавал он этот пепел приходящим к нему, и всем, по молитве его, была чистая соль. И чем больше он раздавал, тем больше у него оставалось. И ничего не брал за это блаженный, а всем даром давал, сколько кому нужно, и не только монастырю было довольно, но и мирские люди приходили к нему и брали обильно в дома свои. Торжище опустело, а монастырь был полон приходящими за солью. И подняло это зависть в продававших соль, потому что не получили они, чего желали. Они думали приобрести в это время большое богатство от соли, и вот, что они прежде продавали дорогой ценой, того теперь и по дешевой никто не брал. И сильно печалились они о том. Наконец поднялись все, продававшие соль, и, пришедши к Святополку, стали возбуждать его против инока, говоря: «Прохор, чернец Печерского монастыря, отнял у нас многое богатство: дает соль всем, кто к нему приходит, никому не отказывает, и мы от того обнищали». Князю хотелось угодить им, и, думая, во-первых, прекратить ропот между ними, а во-вторых, себе богатство приобрести, он положил с своими советниками, что цена на соль будет высокая, и сам князь, отнявши у инока, будет продавать ее. Крамольникам этим он сказал: «Для вас пограблю чернеца», а сам таил мысль о приобретении богатства себе. Он хотел угодить им и только больше вреда делал, ибо зависть не умеет предпочитать

полезного вредному. И князь послал взять у инока всю соль. Когда привезли ее, он с теми крамольниками, которые возбуждали его против блаженного, пошел посмотреть ее. И увидели все перед глазами своими пепел. Много дивились все и недоумевали: что бы это значило? Чтобы узнать подлинно, князь велел спрятать на три дня привезенное из монастыря, но наперед велел отведать, и во вкус был пепел.

К блаженному же по обычаю приходило множество народа за солью. И все узнали, что старец пограблен и, возвращаясь с пустыми руками, проклинали того, кто это сделал. Блаженный же сказал им: «Когда выбросят ее, вы придите и соберите себе». Князь продержал соль три дня, потом велел выбросить ее ночью на землю. Высыпали пепел, и он вдруг превратился в соль. Граждане же, узнавши об этом, пришли и собрали ее. От такого дивного чуда пришел в ужас сделавший насилие: не мог он скрыть всего этого, потому что было перед всем городом. И стал он разведывать, что бы это значило. Тогда рассказали князю, как блаженный кормил лебедой множество народа, и во рту их был сладкий хлеб; когда же некоторые взяли у него без его благословения, хлебы, то оказались, как земля на виде, а во вкус горьки, как полынь. Услышавши это, устыдился князь сделанного им, пошел в монастырь к игумену Иоанну и принес ему покаяние. Прежде же он имел вражду к нему. Игумен обличал его за ненасытную жадность к богатству, за насилие. Святополк же схватил его и заточил было в Туров, но восстал на него Владимир Мономах, и он, испугавшись этого, скоро с честью возвратил Иоанна в Печерский монастырь. Теперь же, ради такого чуда, князь стал иметь великую любовь к обители Пресвятой Богородицы и к святым отцам Антонию и Феодосию. И черноризца Прохора он с этих пор весьма почитал и ублажал, так как знал его за истинного раба Божия. И дал он слово Богу, не делать более никому насилия, и старцу дал он крепкое слово: «Если, — говорил он, — по изволению Божию я прежде тебя отойду из этого света, то ты положи меня в гроб своими руками и в этом покажется твое беззлобие. Если же ты прежде меня представишься и пойдешь к неумытному Судии, то я на своих плечах внесу тебя в пещеру, чтобы Господь подал мне прошение в великом грехе моем перед тобой».

С этими словами князь пошел от блаженного. Он же прожил еще много лет в добром исповедании, богоугодным, чистым и непорочным житием. Наконец разболелся он. Князя тогда не было, и святой послал объявить ему: «Приблизился час моего исхода из тела. Приди, если хочешь, проститься со мной. И обещание исполнишь ты,

своими руками положишь меня в гроб, и прощение примешь от Бога. Не медли: я отхожу и только вот ожидаю твоего прихода. Война же не удастся тебе так, как если ты придешь ко мне». Услышав это, Святополк тотчас же оставил свои войска и пришел к блаженному. Преподобный же Прохор много поучал князя о милостыне, о будущем суде, о вечной жизни, о будущей муке, потом дал ему благословение и прощение, простился со всеми, бывшими с князем, и, подняв руки к небу, предал дух. Тогда князь взял тело святого старца, понес в пещеру и вложил своими руками в гроб. После же погребения он пошел на войну и великую победу одержал над врагами своими, агарянами, и взял всю землю их. И вот была в Русской земле благодарованная победа, предсказанная преподобным. С тех пор Святополк, шел ли на войну, или на охоту, всегда приходил в монастырь, с благодарением поклонялся иконе Пресвятой Богородицы и гробу Феодосиеву, потом входил в пещеру для поклонения святому Антонию, блаженному Прохору и всем преподобным отцам и тогда уже шел в путь свой. И так был добрый порядок в богохранимом княжении его. Сам будучи свидетелем он открыто возвещал о преславных чудесах и знамениях Прохора и других преподобных. Да получим и мы с ними милость о Христе Иисусе Господе нашем! Слава Ему с Отцем и Святым Духом, ныне и присно.

О преподобном Спиридоне просфорнике и об Алипии иконописце

Свята всякая душа простая, не имеющая в себе лукавства в лжи в сердце своем! Такой человек истинен пред Богом и перед людьми и согрешить Богу он не может или скорее не хочет, потому что он — сосуд Божий и жилище Святаго Духа, Который освящает его душу и тело, и ум, как сказал Господь: «Я и Отец придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 23). Сказал Бог: «Вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом» (2 Кор. 6, 16). Апостол же сказал: «Братия, вы храм Бога Живаго, и Дух Святой живет в вас». Такие на земле живут, как ангелы, с которыми на небесах радуются во веки; и как в жизни не отлучались от них, так и по смерти с ними веселятся. Об этом мы скажем еще на конце слова.

Этот преподобный Спиридон был невежа словом, но не разумом; не из города пришел он в монастырь, а из какого-то села. И принял он страх Божий в сердце своем, начал учиться книгам и выучил весь

Псалтирь наизусть. По повелению игумена Пимена постника, он стал печь просфоры. С ним был у того же дела другой брат, некто Никодим, человек одинакового с ним расположения ума. И оба они много послужили в пекарне, много лет честно и непорочно совершая свою службу. Блаженный же Спиридон, начавши работать в пекарне, не изменял своего подвига и труда духовного, но исполнял свое дело со всяким говением и страхом Божиим, принося Богу чистую жертву от своего труда. И другая жертва, живая и словесная, плод уст его, приносилась от него Всемогущему Богу о всем и за всех: беспрестанно пел он Псалтирь и каждый день оканчивал его, дрова ли колол, тесто ли месил, постоянно имел он в устах Псалтирь.

Однажды этот блаженный, совершавший со всяким говением свою обычную работу, затопил печь для печения просфор. Вдруг верх пекарни загорелся от пламени. Спиридон взял свою мантию и закрыл ею устье печи, потом, завязавши рукава у своей свитки, пошел с нею к колодезю, налил там в нее воды и пошел скорее назад, призывая братию гасить печь и загоревшееся строение. Братия пришли и увидели дивное явление: не сгорела одежда преподобного и из свитки не вытекла вода, которою и угасили силу огня.

Но слишком много труда нужно бы было, чтоб вспомнать, и похвалить, и ублажить всех, о Господе скончавшихся здесь, в этом блаженном монастыре Печерском. Скажем словами Давида: «Торжествуйте праведники пред Господом; праведным прилично славословить. Стройно пойте Ему с восклицанием на десятиструнной Псалтири» (Пс. 32, 1–3). Не от одиннадцатого часа они молились Господу и творили Ему угодное, но от юности предали себя Богу, прожили много лет и в глубокой старости отошли к Господу, не изменивши своему правилу ни на один день и час. Насажденные в дому Божиим, процветут они во дворах Бога нашего и еще умножатся в старости мастистой, как этот блаженный Спиридон.

Преподобный же Алипий отдан был родителями своими учиться иконописи. Это было во дни благоверного князя Всеволода Ярославича, при преподобном игумене Никоне, когда, изволением Бога и Пречистой Его Матери, неволей приведены были из Царьграда греческие иконописцы расписывать церковь Печерскую, как сказано об этом в Симоновом послании. Страшное чудо сотворил и показал Бог в этой церкви Своей. Когда мастера украшали мусией алтарь и все они были за своей работой внутри алтаря, Алипий же помогал им и учился у них. Вдруг икона Пречистой Святой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии изобразилась сама, и все увидели дивное и страшное чудо: смотрят они на икону и вот внезапно образ

Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии сделался светлее солнца, так что смотреть не могли стоявшие тут и в ужасе пали ниц. Приподнялись они немного, чтобы видеть чудо, и вот из уст Пречистой Богоматери излетел белый голубь, полетел вверх к Спасову образу и там скрылся. Они все стали смотреть, не вылетел ли он из церкви. И перед глазами всех голубь излетел опять из уст Спасовых и стал летать по всей церкви. И, прилетая к каждому святому, он садился, кому на руку, кому на голову, потом слетел вниз и сел за иконой наместной чудной Богородицыной. Стоявшие внизу хотели поймать голубя и приставили лестницы, но не нашли его ни за иконой, ни за завесой. Осмотрели везде и ничего не увидели. Глаза всех были обращены к иконе. И вот опять перед ними излетел голубь из уст Богородицы. И стали кричать стоявшим вверху: «Ловите его»! Те протянули руки, чтобы поймать его, но он опять влетел в уста Спасовы, откуда вышел. И вот опять свет ярче солнечного, ослепительный для глаз человеческих, поразил всех, бывших при этом, и они, павши ниц, поклонились Господу. Тут был и этот блаженный Алипий и видел Святаго Духа, пребывающего в той святой, честной церкви Печерской.

Когда же окончили расписывать эту церковь, блаженный Алипий принял пострижение, что было при игумене Никоне. Хорошо научился он иконописи, писать иконы очень был искусен. Но этому искусству он захотел научиться не для богатства, но Бога ради. Над писанием икон он работал столько, что всем было довольно, — и игумену, и всей братии. И ни от кого он ничего не брал. Если же этот преподобный не имел дела, то он брал займы золото и серебро, что нужно для икон, делал икону и отдавал ее за такой долг заимодавцу. Часто также просил он друзей своих, чтобы, если увидят где в церкви обветшалые иконы, приносили их к нему, потом обновлял их и ставил на места. И все это он делал, чтобы не быть праздным, потому что святые отцы велели инокам иметь рукоделье и это поставляли в великое дело перед Богом. Апостол же Павел сказал: «Нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии, и я не ел ничьего хлеба» (Деян. 20, 34). Так и этот блаженный Алипий. Он разделял выработанное на три части: одну часть — на святые иконы, другую — на милостыню нищим, а третью — на нужды тела своего. И так делал он всегда, никогда не давая себе покоя: ночью упражнялся в пении и молитве, а когда приходил день, он принимался за работу, праздным же никогда не видели его. Но и от собрания церковного он не уклонялся никогда для работы. За многую его добродетель и чистое

житие игумен возвел его на степень священства. И в таком чине священства он пребывал благо и богоугодно.

Некто из богатых киевлян заболел проказой. Много лечился он у волхвов, и у врачей, и у иноверных людей искал помощи и не получил, а только еще сильнее сделалась его болезнь. И послал его один из друзей в Печерский монастырь просить некоторых из отцов, чтобы они помолились о нем. Когда привели больного в монастырь, игумен велел напоить его из колодезя святого Феодосия и помочить ему голову и лицо. И вдруг за неверие свое вскипел он гноем, так что все стали бегать от смрада, какой исходил от него. Плача и сетуя возвратился он в дом свой и от смрада много дней не мог выйти оттуда. И говорил он друзьям своим: «Стыд покрывает лицо мое. Чужим стал я для братьев моих и незнакомым для сынов матери моей (Пс. 68, 8–9), потому что без веры пришел к святым Антонию и Феодосию». И всякий день ожидал он смерти. Наконец он пришел в себя, размыслил о своем согрешении и, пришедши к преподобному Алипию, покался ему. Блаженный же сказал: «Сын мой! ты хорошо сделал, что исповедал Богу грехи свои перед моим недостойнством». Пророк Давид говорит: «Исповедаюсь пред Господом в преступлениях моих: и Ты снял с меня вину греха моего» (Пс. 31, 5). И много поучивши его о спасении души, преподобный взял сосуд с красками, которыми писал иконы, намазал этими красками лицо больного, покрыл и гнойные струпья и тем возвратил ему прежнее благообразие. Потом привел он его в Божественную церковь Печерскую, дал ему причаститься Святых Таин и велел умыться водой, которой умываются священники. И тотчас спали с прокаженного струпья, и он исцелел. Видишь ли блаженного, ум мой! Христу Богу уподобился он: как Господь, исцелив прокаженного, велел ему показаться священникам, как Христос, исцеливши слепого, не тотчас дал ему прозрение, но велел идти к Силоамской купели умыться, так и этот святой, избегая величания, украшает красками образ, смердящий за неверие, честь же исцеления отдает служителям Божиим, чтобы и они были с ним участниками чуда. Омывши же больного водой, преподобный очистил его не только от телесной, но и от душевной проказы. За это очищение правнук исцеленного оковал золотом кивот над Святой Трапезой. Все удивлялись такому скорому исцелению. Преподобный же Алипий сказал бывшим тут: «Братия! Слушайте». И, указывая на исцеленного, стал говорить: «Никакой слуга не может служить двум господам» (Мф. 7, 7; 21, 22). Вот он прежде служил врагу грехом чарования, а потом пришел к Богу; прежде отчаивался в своем спасении, и сильнее

проказа напала на него за его неверие: «Просите, — Господь сказал, — и не просто просите, но с верою просите, и примете». Когда же он покаялся Богу, поставив меня свидетелем, Скорый на милость сжалился над ним и исцелил его». И отошел исцеленный в дом свой, славя Бога и родившую Его Пречистую Матерь, и преподобных отцов наших Антония и Феодосия, и блаженного Алипия. Это нам новый Елисей, исцеливший от проказы Неемана Сириянина.

Некоторый христоролюбец из того же города Киева поставил себе церковь и хотел на украшение ее сделать большие иконы: пять икон Деисуса и две наместных. И дал он двум инокам Печерскаго монастыря серебро и доски для икон, чтобы они (иноки) урядились с Алипием, и позволил дать ему за иконы, сколько он захочет. Монахи же эти взяли у христоролюбца, сколько хотели, и ничего не сказали Алипию. Через несколько времени заказчик послал узнать, готовы ли его иконы. Монахи сказали, что блаженный еще золота требует. И опять взяли они у христоролюбца золото, растратили его и снова послали объявить, что святой еще просит столько же, сколько взял. Христоролюбец дал им с радостью. Спустя немного времени чернецы опять сказали: «Алипий еще столько же требует». Христоролюбец же сказал: «Хотя бы он и десять раз просил, я дал бы ему: хочу только его благословения и молитвы, и дела рук его». Алипий же и не знал ничего, что делали эти монахи. Наконец, когда строитель храма опять прислал посмотреть, написаны ли его иконы, черноризцы те дали такой ответ: «Алипий, взявши с избытком золота и серебра, не хочет писать твоих икон». Тогда христоролюбец со многою дружиной пришел в монастырь и вошел к игумену Никону, чтобы поднять крамолу на преподобного Алипия. Игумен призвал Алипия и сказал ему: «Брат мой! Как это такую неправду сделал ты сыну нашему? Много раз он молил тебя, чтобы ты взял, сколько хочешь, а ты иногда и даром пишешь». Блаженный же сказал: «Честный отец! ведает твоя святыня, что я никогда не имел лености к этому делу. И теперь я не знаю, о чем ты говоришь». Игумен же сказал: «Три цены взял ты за семь икон, а икон не пишешь». И вот, как бы на обличение ему, велели принести иконные доски и призвать иноков, которые брали плату, чтобы они обличили его. Посланные нашли иконы написанными и преискусно, и принесли их перед игумена. И, видя это, все удивились, в ужасе и трепете пали ниц на землю и поклонились нерукотворенному образу Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Его Матери, и святых Его. И промчалась слава об этом по всему городу Киеву. Когда же пришли иноки, оговорившие блаженного, они, не зная ничего о случившемся, стали спорить с Алипием, говоря: «Ты взял тройную

плату, а икон не пишешь». И все в ответ сказали им: «А вот теперь иконы Богонаписаны». И ужаснулись они, видя такое чудо. Черноризцы эти, обкрадывавшие монастырь, будучи обличены, лишились всего и изгнаны были из монастыря Печерского. Но и тут не оставили они своей злобы, хулили блаженного и всем говорили: «Мы сами написали иконы, а владелец их не хотел платить нам и вот выдумал это, чтобы лишить нас найма». И солгали на Богонаписанные иконы, будто они не сами изобразились. И в такой мысли утверждали эти иноки народ, стекавшийся посмотреть на них. Если же кто хотел поклониться им, они не допускали; и от того люди верили им, оболгавшим блаженного Алипия.

Но Бог прославляет святых своих. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме (Мф. 5, 15). Так не утаилось и добродетельное житие этого преподобного Алипия. Даже до князя Владимира дошла весть о чуде, бывшем с иконами. И вот что случилось некогда по воле Божией. От пожара выгорело все Подолье, горела и церковь, в которой были эти иконы. После же пожара эти семь икон оказались целы, а церковь вся сгорела. Услышав об этом, князь пошел посмотреть на такое чудо: как не сгорели иконы и как написались Божиим мановением. И прославил он Творца всех, творящего преславные чудеса молитвами угодников Своих Антония и Феодосия. И взял Владимир одну из икон Пресвятой Богородицы и послал в город Ростов, в тамошнюю церковь, которую он сам создал. Икона эта стоит и доныне, я сам видел ее, и вот что при мне было в Ростове: церковь упала, а икона эта осталась без вреда и перенесена была в деревянную. Так и прежде, когда церковь сгорела от пожара, она осталась невредима и признаков огня нет на ней. Но перейдем еще к другому сказанию о блаженном Алипии.

Другой христоробец дал этому блаженному писать наместную икону. Через несколько дней Алипий разболелся, а икона еще была не написана. Боголюбец стал докучать ему и блаженный сказал: «Сын мой! Не приходи ко мне, не докучай мне, но положишься в своей печали на Господа, и Он сделает, как Ему угодно. Икона твоя в свой праздник станет на своем месте». Порадовался этот человек, что икона напишется до праздника, и поверил он слову блаженного, и в радости отошел в дом свой. Накануне же Успения пришел он опять, чтобы взять икону. Видя же, что она не написана, а блаженный Алипий сильно болен, он стал досаждать ему, говоря: «Зачем ты не дал мне знать о своей немощи? Я дал бы другому писать икону, чтобы праздник был светел и честен. А теперь, удержав икону, ты посрамил

меня». Блаженный же кротко отвечал ему: «Сын мой! Разве я по лености сделал это? Да не ужели же Богу невозможно написать Словом икону Своей Матери? Я, как открыл мне Господь, отхожу из этого света, и Бог всячески утешит тебя». И с печалью отошел от него христоробец в дом свой. После же ухода его, явился светлый юноша и, взявши краски, начал писать икону. Алипий подумал, что владелец ее разгневался на него и прислал другого писца: сначала пришедший был, как человек, но скорость дела показала в нем бесплотного. То он выкладывал икону золотом, то растирал на камне краски и ими писал. В три часа кончил он икону и сказал: «Отче (калугер)! не нужно ли еще что-нибудь сделать и не ошибся ли я в чем?». Преподобный же сказал: «Ты хорошо сделал. Бог помог тебе так искусно написать эту икону; Он Сам чрез тебя сделал ее». Настал вечер, и юноша стал невидим вместе с иконою. Владелец же иконы всю ночь провел без сна от печали, что нет иконы на праздник, называл себя грешным и недостойным такой благодати. Он встал и пошел в церковь, чтобы там оплакать свои согрешения. И, отворив двери церкви, вдруг увидел икону, сияющую, на своем месте, и упал от страха, думая, что это какое-нибудь привидение явилось ему. Но, оправившись немного от испуга, он понял, что это была действительно икона. В великом ужасе и трепете вспомнил он слова преподобного и пошел разбудить домашних своих. Они же с радостью пошли в церковь со свечами и кадилами и, видя икону, сияющую светлее солнца, пали ниц на землю и поклонились иконе, и в веселье душевном целовали ее. Боголюбец же тот пришел к игумену и рассказал о сотворившемся с иконою чуде. И все вместе пошли к преподобному Алипию и увидели, что он уже отходит из этого света. И спросил его игумен: «Батюшка! как и кем написана была икона?». Он же рассказал им все, что было, и прибавил: «Ангел написал ее. И вот он стоит возле меня и хочет меня взять». И, сказав это, предал дух. Тело его приготовили к погребению, вынесли в церковь, сотворили над ним обычное пение и положили в пещере с преподобными отцами о Христе Иисусе Господе нашем.

*Текст приводится по кн.: Киево-Печерский Патерик. –
Репринт с добавлением гравюр XVIII века. –
Б/м.: Изд. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1991*